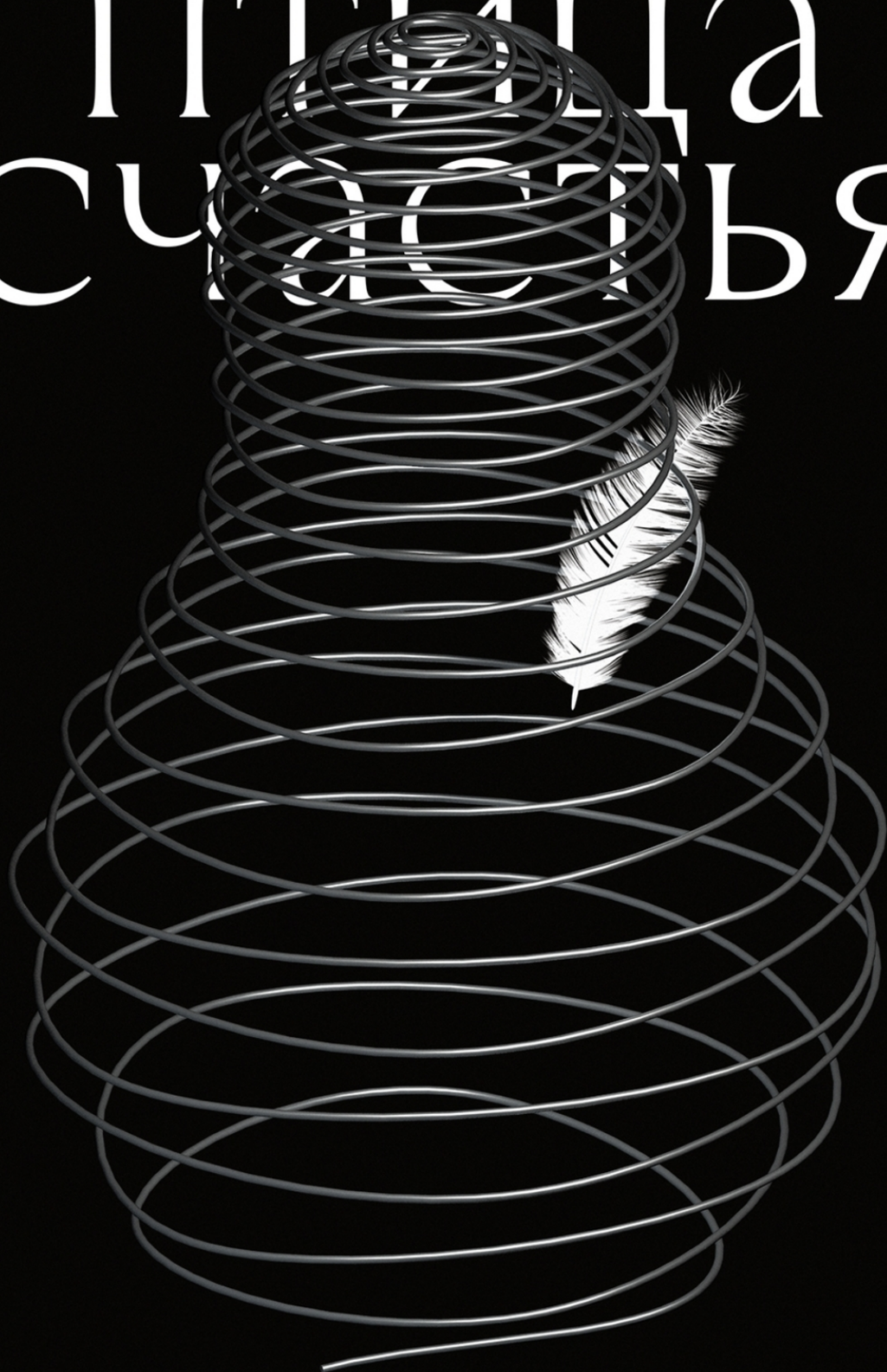

Сказка

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Роберт Джоэль Мур

18+

Роберт Джоэль Мур

Птица счастья

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мур Р.

Птица счастья / Р. Мур — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Представьте, что в круговороте людей и событий конца двадцатого века решили в одном царстве-государстве осуществить грандиозный проект: клонировать великого из великих гениев мировой литературы. И зашагало по Земле новое светило, только уже совсем в иных предлагаемых обстоятельствах... Повседневная жизнь непредсказуема и порой с трудом объяснима привычной логикой. Тогда проще воспринимать реальность сквозь призму вымысла, в которой события, чувства, законы бытия выстраиваются чётче и яснее.

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

ЧАСТЬ I

В стране великой, на земле благодатной, в тесноте стен монастырских сошлись трое. Молодой послушник богатырского роста, розовощекий от природы, побагровел от недовольства сильного. Жадно глотая воздух в духоте комнаты, держал он слово перед игуменом о событии, которое не только увело его с дороги домой, но и напомнило о печали дня прошедшего. Печаль, принудительно и практически полностью заглушенная к вечеру водой огненной в теле молодца, стала причиной появления третьего собеседника.

– Он из этих, реставраторов, будет, начальник. Шел я, шел своей дорогой, вижу – копается опять там. Сегодня днем лазили в могилу, и вот... Мы, прости Господи, все обет молчать дали, но второй раз я не могу – грех! Покойника тревожить! Еще и такого! Люди гибли ради этого места, а тут... Я его остановил силой, он отпор не дал...

Рукой он крепко держал нарушителя за плечо пиджака, прижимая его к стулу, невольно ища опору для себя.

Сидел мужчина лет сорока с кровавым подтеком на брови. Сидел, смиренно опустив глаза. Руки его были сжаты в замок, а грудь поднималась при дыхании шумном. Казалось, если он разомкнет ладони, то из них высвободится сила нечеловеческая, а из груди вырвется огонь, дыханию дракона подобный.

– Отправляйся, родной, спать, ночь на дворе, а мы потолкуем с между собой, – успокаивал послушника игумен.

– Да я его... – богатырь резко потянул пиджак нарушителя на себя.

– Иди с Богом. Спасибо тебе, – батюшка приблизился к молодцу и рукой направил его к выходу.

Блюститель порядка, продолжая бубнить себе под нос недовольство коммунистами, безбожниками и прочими товарищами, порушившими страну великую, отпустил свою жертву и, зашатавшись в дверном проеме, как шар в лунке, преодолев порог, сошел вниз по дорожке.

Военный чиновник, коим оказался мирянин, поднявшись со стула и расправив плечи, обернулся великаном, ростом на голову выше задержавшего его послушника.

– Спасибо, что силу не применили против Георгия, Лев Константинович, беспокойство в нем поселилось, хоть и побстриг у него вскоре, – благодарил настоятель. А вас какая сила на могилу опять завела?

– Батюшка, я справиться перед отъездом хотел, все ли на своих местах.

– От сего дня ничего на свои места встать уже не сможет... Та же печаль, тревожившая молодого послушника, черной тенью легла и на лицо старца.

Игумен смотрел холодно, и холод этот глубоко проникал в невосприимчивого Минина и заставлял оправдываться в той мере, на которую был способен человек, прошедший школу комитета безопасности страны великой, за свое любопытство во время перекура.

– А в столице благословили! Вы поймите, этот срок правителя идет тяжело – войны с горцами и террористы ошалелые... Мы нуждаемся в вашей поддержке. Вся страна нуждается. Теперь в монастыре капитальный ремонт проведут, холмы укрепят и могилу лучше оформят. Что в сравнении с этим несколько волос с головы мертвеца?

Минин светским жестом вытянул руку для прощания.

– Ну, вижу, утомил я вас. Еще раз спасибо за содействие!

Батюшка не ответил, руки на прощанье не подал. Глубокая скорбь таилась во всей его фигуре. Он отвернулся от гостя и тихо промолвил:

– Ступайте...

Минин вышел за ограду в темень надвигающейся ночи, отирая кровь со лба. Сел в служебный мерседес, растворившийся в вечерней мгле.

– Я, было, подумал, что вы поклоны отвешиваете по пути, Лев Константинович, – неожиданно громко после долгого молчаливого ожидания в одиночестве произнес светловолосый водитель.

– Да тут один справедливостью увлекся...

– Смелый какой...

– Да... дурак дураком.

Десятиминутный перекур шефа растянулся до разбирательства с послушником. За это время в голове шофера вызрели и роем вились вопросы многочисленные.

– А что если то не его волосы? Молвили люди, что, быть может, не его тогда здесь захоронили.

– Здесь, не здесь... А в записях будет отмечено, что волосы взяты именно из этой могилы! И ты это запомни!

– Ну-ну, а если в ходе эксперимента вырастет... другой?

– Смекай, башка. Ты думаешь, что мы бы начали программу, не зная, где настоящие взять?!

– Вот те на... Ни от кого правды не узнать!

– Да на кой она тебе нужна?!

Ухмыльнувшись, сплюнув крепко, кинул рулевой бычок в окно, и служебная машина, пузом шкрябая по ухабам, понеслась дорогой вдаль.

***

Наступал великий год – шел миллениум на Землю. Не конца света, предначертанного древними письменами, ждал народ, а чуда чудесного в свои жизни. Утомленные смутой конца века двадцатого, лихими временами годов девяностых, ураганом природным, унесшим жизни человеческие, а после – ураганом экономическим с дефолтом и крахом рубля крепкого, ждали праздника и счастья, лелея надежду на светлое будущее.

И случилось чудо: в последний год уходящего века первый правитель страны молодой и необъятной слово перед гражданами молвил в обращении ежегодно-новогоднем. В своей манере протяжно-скрипящей он от поста своего главенствующего отказался, с благодарностью к народу передал его в руки преемственные, молодые и перспективные.

Сей своевременный уход главы страны власть имеющие подготовили заранее, дабы сохранить установленный курс относительно благ государственных и продолжить подпитывать интересы ряда заинтересованных мужей. Что становилось крайне проблематичным из-за состояния здоровья первого правителя и из-за его дерзкого нрава.

Идея преемственности витала в новогоднем воздухе и смешивалась с ароматом мандариновым. Она предвещала простым людям новое поколение политиков и рисовала оптимистичные перспективы светлого будущего. Граждане ликовали. Дети жгли бенгальские огни и радостно поддакивали возбужденным от перемен взрослым в разговорах на всех кухнях страны.

В те времена не было сети интернет развитой, и не могли простые люди что-либо разузнать про преемника – человека, назначенного без выборов чудом отречения управлять страной.

Летом того года чиновник-военный Лев Константинович Минин занялся садом. Хотел выкорчевать все полувековые яблони: их было много, света из-за них не видели, а плоды давали жалкие. Садовник, вызванный по распоряжению, объяснил, что, если обрезать почти полностью крону старой яблони и вылечить ее от болезней, даст она новый урожай быстрее, чем молодые саженцы на месте многолетних деревьев после вырубки. И Минин увидел в этом разумный подход.

Так и двадцатый век страны великой обрамили политические вырубки. И каждый раз молодые деревья принимались на залитой кровью почве поначалу быстро и хорошо, а потом

всасывали в себя старые невылеченные болезни и постепенно начинали гнить. Урожай их был пропитан кровью и потом тех, на чьих костях он созрел. Так настала пора, когда вместо нового урожая дерево первого правителя, возвращенное после путча, начало гнить. Поэтому в уходе его теперь уже опытный садовник и политический деятель Лев Константинович Минин выявил закономерность.

Лев Константинович был чиновником высокого ранга, однако новость об отставке президента узнал, как все простые люди, – «из телевизора». Этот факт настолько задел его самолюбие, что в организме надолго поселилось неприятное чувство неопределенности. Любые перестановки такого уровня хоть и не меняли внутренней государственной иерархии, но тем не менее являлись достаточно значимыми. Миссия Минина была настолько особенной, что его взаимоотношения с любым руководством государства оказывались неизбежными. Главы могли меняться, но он всегда оставался на своем месте. Через день Льву Константиновичу поступило приглашение отобедать с вышестоящим генералом.

Встреча состоялась в одном из ресторанов столичных в обстановке неформальной.

– Поздравляю вас с первенцем, Лев Константинович, – сиял в обманчивой фамильярности генерал.

Минин совсем не ожидал разговоров о личном: сын у него уже месяц как родился, и он успел попривыкнуть к его присутствию. Однако, благодаря поздравлению, вдруг вспомнил он ощущение маленького человека на руках, его беззащитность и чистоту, понимая, что именно сейчас, в этот момент он весь и есть душа. И захотелось ему сразу защитить своего ребенка, чтобы генерал ни единого слова о нем произнести не мог своими сальными от жирного борща губами.

– Благодарю.

– Большой, богатырь?

– Да. Ваши как?

– Моих не видел давно. Они у меня в Штатах заморских.

На этом любезность генерала поутихла, и после недолгого молчания во время трапезы Минин завел разговор о произошедшем:

– Вы знали, что глава уйдет в отставку?

– Да.

– Будут ли какие-то распоряжения по нашему проекту теперь?

– Ну, вы продолжайте растить Национальную Идею, как и растили. А мы будем Подвиг Народа Великой Войны пока использовать. От вас требуется альтернатива, ветеранов все меньше, а молодых пока не нарастили...

Генерал тогда еще не знал, что эта альтернатива была не обязательна. Что чем дальше событие отодвигалось в веках, тем проще им могли распоряжаться.

Что всего через двадцать лет Война Великая станет символом массовой культуры, крайне прибыльным действием с толпами ряженных и показательным прогоном орудий перед патриотично настроенными гражданами с младенцами в военных костюмчиках на руках.

Сам же Минин обычно смиренно ходил в этот день в церковь и ставил свечки за отца, прошедшего всю войну. Благодарил. А еще поминал убитых и тех, кто убивал. Потому что видел секретные военные архивы и все, что безмолвно в них застыло...

Генерал, не дожидаясь официанта, сам разлил содержимое графина по охлажденным рюмкам и продолжил:

– Вы, как и прежде, имеете статус особый, и вашему отделу пора переходить к испытаниям человеческим. Заканчивайте штамповать овец и свиней. Через полтора года мы должны получить результат, к июню, желательно, чтобы даты рождений оригинала и результата были рядом.

– Группы семей уже отобраны.

– Ну что же, в новом тысячелетии чудо сотворим! Выпьем!

В конце века двадцатого в стране великой для участия в проекте государственном рассматривались тысячи суррогатных матерей и десятки семей для дальнейшего воспитания ребенка, созданного силой науки. Граждане, замеченные в поликлиниках и центрах репродукции: госслужащие, силовики, врачи, философы и психологи, – подверглись тайному и тщательному исследованию и наблюдению во всех сферах своей жизни. В результате работы армии аналитиков было принято решение, что врачи и учителя станут лучшими кандидатами, смогут избежать осуждения среди люда простого и, что немаловажно, сумеют профессионально подойти к заботе о детях. Мария Петровна подходила для обеих групп, и суррогатных матерей, и родителей приемных, при этом и муж ее, Сергей Васильевич, был выдающимся хирургом.

И дала свое согласие Мария Петровна участвовать в программе клонирования солнца русской поэзии, и сравнивали потом люди этот поступок с подвигом первой женщины-космонавта, к настоящему солнцу приблизившейся. И тогда в месте секретном, в больнице, прекрасно оборудованной, в ее чреве, доселе бесплодном, из нескольких сотен яйцеклеток выжили и закрепились две.

Спустя срок, природой отмеренный, на заре нового тысячелетия два генетически идентичных ребенка – «мальчик Александрова М. П., 4250» и мальчик «Александрова М. П., 4100» – появились на свет в стенах родильного дома. Одного нарекли Василием, а брата его – Сергеем.

Мальчики ничем не отличались от других детей, разве что только тайной, незримо окутавшей семью Александровых, и количеством медицинских осмотров, обязательных к прохождению. Традиционную диспансеризацию братьев проводили дважды в год, для отчетности проекта.

Их матушка обладала безграничной женственностью и развитой невозмутимостью. Последнее качество особенно ценилось в женщине, вышедшей замуж за госслужащего порядочного, и щитом обороняло семью от невзгод. Их отцу названному удалось по молодости распознать зачатки этого чудесного свойства в потенциальной спутнице жизни: юный студент медицинского института Александров, заметив в Марии Петровне столь ценную черту характера, в тот же год женился. Так в простой жизненной повседневности, и душевной близости, и горестях проходящих, они вместе прошли десятки лет вместе и вырастили сыновей.

В четырнадцать лет мальчики потеряли отца: заслуженный врач, опытный хирург скончался от удара. Тогда дом заполнился бесконечным количеством услужливых мужчин в пиджаках вычищенных, готовых помочь, так что Марии Петровне не пришлось организовывать ни поминки, ни другие похоронные ритуалы. Мальчики мялись у стен в церкви, мялись у гроба, мялись в ресторане на поминках, и не могли они найти опору ни в чем. Скорбное мероприятие поразило их размахом – заведение, где собрались помянуть усопшего, гудело как шмелиный рой. Пришедшие то замирали во время очередного тоста, то нервно вздрагивали от возникшего то тут, то там грудного женского всхлипа. Холодно-сдержанный отец вдруг оказался «добрым другом», «храбрым сердцем» и «родным человеком» для десятков мужчин, непроизвольно вызвавших ощущение опасности. В воздухе стоял смешанный запах корвалола и одеколонов, с легким шлейфом алкоголя и гвоздик. Мария Петровна застыла в тихой скорби.

В детстве внешне братья были милы, но к подростковому возрасту лица голубоглазых ангелоподобных мальчиков утяжелились выразительными носами, а кожа пострадала от воспаления. Благосклонностью судьбы один из Александровых подружился с со своей одноклассницей Леночкой еще до гормональных метаморфоз. И дружба эта прошла не только через испытания особенностями полового созревания, но и через всю жизнь.

Братья посещали разные школы. Причина раздельного обучения раскрылась для мальчиков, когда им исполнилось по семнадцати лет: в мире могла существовать только одна копия

гения, вторая по замыслу создателей оставалась в тени. Им не было позволено отпускать длинные волосы и регистрировать личные страницы в социальных сетях, да и не искали они в этом особой надобности. Но запреты эти они считали отцовской прихотью и не поняли, почему даже после его кончины мать не стала ограничения снимать. Став постарше, братья, ожидаемо, завели привычку регулярно меняться местами. Трюк не создавал проблем, и Мария Петровна делала вид, что не замечала сыновьи шалости. Таким образом, и Вася познакомился с Сережиной одноклассницей Леночкой.

Леночка обладала ясным взглядом и была щедро одарена здоровым румянцем. Едва уловимый щекочущий импульс проходил по ее телу, когда утром ее приветствовал Вася вместо Сережи. Она не знала причины перемен, но для нее тихий друг становился притягательным, и в ней появлялось жеманство, а улыбка не сходила с ее лица. Бывало иногда, на физкультуре он цеплял ее за русую косу, крепкую и толстую, как сплетенные ветви молодого дерева, и вместо обиды в Леночке росла привязанность. Она, не признаваясь сама себе, ревновала, что Сережа (Василий на самом деле) принадлежал в такие дни всему классу – он был весел, высмеивал учителей, умудрялся обойти пропускную систему в школе, а после большой перемены от него пахло горечью табака. Василий замечал взгляды милой девушки и подогревал ее чувства не более чем для утехи своего самолюбия.

Васина же школа находилась в нескольких верстах от дома, и уже со второго класса ходил он туда сам. Это был образцовый лицей в самом центре столицы. Удивительным образом дети, учившиеся вместе с Васей, компенсировали свои недостатки маргинальным поведением.

Во время одной из диспансеризаций на Александровых надели браслеты для удаленной диагностики физического состояния, и они также позволяли отслеживать местонахождение братьев. Василий не знал, что за ним всегда на расстоянии следили охранники и вели молчаливую летопись подростковых забав. Доклад несли Минину, и новости те вызывали шевеление немногочисленных волос на голове чиновника. Поскольку на Васю и его одноклассников он повлиять не мог, все воспитательные меры в превентивном порядке доставались его сыну, Минину-младшему.

С начала одиннадцатого класса Василий добивался внимания педагога по английскому языку в своей школе. Как человек азартный, он поставил себе цель скандальную, дерзкую и всячески подогревал собственный интерес. Он «не справлялся» с заданиями и «был вынужден» просить дополнительных занятий у двадцатидвухлетней Каринэ Алексеевны, выпускницы факультета иностранных языков педагогического университета. Каринэ Алексеевну вдохновляли стремление ученика преодолевать трудности в познании языка английского и горячая любовь к стихам лорда Байрона. От этого ее смоляные кудри закручивались еще сильнее, а густые черные ресницы пушились при частом моргании в присутствии напористого Василия. Так, сама Карочка не заметила, как ее глубоко воспитанная нравственность растворилась, уступив место захватывающему роману, но вовсе не литературному, а реальному. При этом Василий нашел доказательство своей теории, что умственное ослабление наблюдается у любой влюбленной женщины и не зависит от возраста и положения. Это знание позволило ему иногда заманивать Карочку на вечеринки к одноклассникам, где она сидела у него на коленках на кухне и через силу, с непривычки, опрокидывала в себя водку стопку за стопкой наравне с остальной молодежью. Она наверстывала годы, проведенные за книгами в битве за красный диплом. Хмель крепких напитков сошел с нее быстро и безвозвратно вместе с девственностью и интересом юного подопечного любовника. Она познала запретные удовольствия, а он расширил границы собственной вседозволенности.

На следующий день после расставания с Карочкой Василий впервые за последние пару месяцев попросил брата поменяться местами в школах. Для Васи это был не первый опыт прекращения отношений. В своем поведении он не хотел быть жестким по отношению к несчастным оставленным, просто не углублялся в то, что называлось «серьезными отношениями».

Абсолютное спокойствие и равнодушие ничего не подозревавшего Сережи ввергло оставленную учительницу в бездну самобичевания и отчаяния.

– Как прошел день? – спросил вечером Василий у Сережи.

– Англичанке вашей поплохело что-то после нашего урока, а так все тихо, не заметили, что это был не ты.

– Карочке... Каринэ Алексеевне?

– Ага.

– Ничего кринжового не исполняла?

– Да нет вроде...

– Ну и ок... Так... – хлопнул он в ладоши, и роман в этот момент улетучился из его мыслей окончательно. – Ну что, мы досрочно сдаем с тобой по одному предмету? Ты – русский, а я – математику, потом идем на нормальную сдачу по своему предмету, и получится, нам меньше в два раза каждому учить...

– Ну да, как и планировали.

Наступила пора летняя, а вместе с ней экзамены выпускные, и подросткам предстоял серьезный и жизненно важный выбор костюмов, сдача тестов и противостояние токсичным родителям. Большинство будущих выпускников к тому времени уже определили в высшие учебные заведения, откуда они потом попытаются сбежать, не находя смысла в происходящем.

Несмотря на то, что после смерти отца прошло несколько лет, Мария Петровна по-прежнему вела себя странно. Очень тихо. Из страха перед предстоящей популярностью мальчиков мать не мешала их детству и беззаботности. Братья истинных причин не знали и принимали все как должное. Их сыновними заслугами были сравнительно неплохая успеваемость и отличная обучаемость. Одноклассники ребят были загнаны в режим подготовки к общегосударственным тестам, необходимым при поступлении в вузы, а родители, в основном женская их часть, перенесли уже не по одному нервному срыву. Мария Петровна же окутала Сереженьку своей заботой и абсолютно попустительски относилась к Васиным выходкам. При этом обоим разрешила немного отпустить волосы. Наступала замечательная пора в жизни Александровых, и они считали, что скоро, наконец, вкусят настоящей свободы.

По прошествии экзаменационных испытаний на выпускном балу в зале ресторанном Леночка поцеловала Сережу. Сразу после вальса, на изучение которого ученики потратили вечера четвергов прошедшего года. В момент, когда Сережа наконец-то выдохнул, смог взять свой смартфон и погрузился в территории безопасные, где можно было сохраниться и откатить назад, а не опозориться перед всем классом, наступив партнерше на ногу в танце, Лена вдруг возникла между ним и экраном. Долго стояла, говорила что-то непонятное, а потом без предупреждения прикоснулась своими губами с черно-фиолетовой полоской от выпитого тайком вина. Прикоснулась и замерла в ожидании. Она чувствовала, что сегодня в Сереже не было того необъяснимого и притягательного обаяния, но надеялась, что поцелуй его пробудит.

– Ты чего? – Сережа вжался в стену.

– Я... – посмотрела она на него и улыбнулась. – Сегодня выпускной.

– И?.. – скривился Сережа.

– И ты мне нравишься.

Сережа инстинктивно спрятал глаза в телефон в поиске убежища и замер, как опоссум при возникновении опасности. Он всегда был не от мира сего, «погружен» куда-то. Он был «погружен» в утробу своей матери дольше, чем его брат, «погружен» в машину и доведен до школы и обратно, «погружен» в онлайн-игры, «погружен» в свои размышления. Когда их отец умер – он «погрузился» в себя на недостижимую для окружающих глубину, и ситуация теперешняя вызывала в нем стресс.

Ему нравилась Леночка. Но она странно одевалась и двигала ушами во время диктантов. Брат вообще давно советовал ее соблазнить. Но Сережа не обладал навыками и не знал правил

любовных манипуляций. Не говоря уже о том, чтобы сделать с ней что-то вроде того, как брат описывал. А сейчас она стояла рядом, красивая, немного пьяненькая и уже явно расстроившаяся, а он не хотел ее обидеть, поэтому решил по возможности уйти от разговора... домой.

– Лен, давай не сейчас. Тут вон учителя...

– Когда?

– Ну, я тебе позвоню, и поговорим.

День, другой, неделю, больше прождала она звонка... А Сережа так и не объявился.

Жизнь его кардинально изменилась, и он не нашел возможности объясниться с подругой.

Беззаботному детству Александра старшего настал конец после выпускной пирушки.

Василий очнулся на следующий после праздника день в квартире у одного из своих одноклассников и обнаружил на просторной кухне самых выносливых, отмечающих наступление взрослой жизни еще с прошлой ночи. В распахнутом окне, на залитом солнцем подоконнике сидели и хихикали девчонки, сжимая в кулачках электронные сигареты. Другие, расположившись на высоких стульях, в выданных им однокашником футболках, едва прикрывающих трусы, обсуждали, как Вальке из параллельного класса родители разрешили быть лесбиянкой, потому что тогда она не принесет незапланированных внуков.

– Ну согласитесь, друзья, бедность в наши дни – это порок, признак отсутствия целей, результат неправильного мышления и неполноценности. Мы такими уже не будем. И скоро не нужно будет работать. Низшая ступень развития – примитивный труд, который сделал из обезьяны человека, – исчезнет за ненадобностью, – на голове теперь уже у бывшего одноклассника был повязан галстук, и он вызывал поток философских мыслей, а рубашка прикрывала стан одной из девиц. На столе разыгрывалась партия алкогольных шашек.

– Ты о чем? – спросил Вася. Он нашел на заваленном остатками вчерашнего пиршества столе промокшую пачку сигарет и прикурил.

– Мы скоро эволюционируем в сверхлюдей...

– Ну-ну, с тем, как я вчера блевал, так точно. Новая сверхспособность...

Вася сел на стул рядом с другом, приобнял, дал ему перетянуться сигареткой, сделал ход за него, специально проиграл и выпил.

Чудом волшебным – удивительной способностью переносить невообразимые химические перегрузки и выводить алкоголь в кратчайшие сроки – обладает организм юных мужчин. Василий являлся подтверждением этого факта и приготовился было кутить дальше, но его отвлекло сияние экрана смартфона.

– Свет мой, мамочка, как ты?.. Я у Лехи. Ноу проблем, скоро буду.

– Так, котаны, я пошел, на связи! Где мой шмот?

Под прощальные выкрики он откопал в сваленных на диван выпускных платьях свой пиджак и покинул квартиру. На связь они с друзьями больше не вышли. В тот день Василий вернулся домой, проспался, а на следующее утро оказалось, что он не просто Василий Сергеевич Александров, а плоть от плоти солнца русской поэзии. Минин лично приехал сообщить эту новость братьям. Долго говорил о долге, предназначении и патриотизме.

Он обрисовывал умопомрачительные карьерные перспективы. Мама слилась с сероватым цветом стен в гостиной и наблюдала за тем, как вершилась судьба ее детей. Волнение Марии Петровны достигло своего апогея. Одновременное смешение материнской гордости за детей и неконтролируемый страх перед их выходом в большой мир вспенивались вместе с припущенной содой во время приготовления теста для выпечки, поглотившей Марию Петровну. Пирожки в тот день не удались, это заметили и Минин, и братья.

Поначалу на роль публичной фигуры руководителя проекта и Минин хотели выбрать Сережу, поскольку он был покладист, спокоен и управляем. Но потом весы качнули в сторону обаяния Василия и его природного непреодолимого магнетизма: одноклассники хотели носить такие же, как он, рубашки, слушать такую же музыку и самозабвенно смеялись над его

шутками, даже не смешными. Стоит ли говорить о его популярности у девушек и молодых женщин. История с Каринэ Алексеевной была лишь ручейком в бурном потоке женских слез. Не желая никому зла, он не имел обыкновения погружаться, как его брат, в переживания, тем более чужие. Особенно, когда все в жизни было просто – удовольствия понятны и открыты, возможности безграничны.

Руководство государственное и Минин решили спросить мнения и пожелания самих мальчиков и предоставили им возможность сделать самостоятельный выбор, на который у ребят оставалось несколько дней. Поскольку уже через месяц собирался крупный форум международный, с гостями высокопоставленными, где миру планировали открыть проект «Возрождение» и его результат – одного из братьев в присутствии президента страны великой и большей части его свиты. И к этому событию нужно было готовиться.

– А они вообще имели право так делать? – пробубнил Сережа. Братья сидели в комнате друг напротив друга.

– И, выходит, родители не могли иметь детей?

– Ну, это сейчас такое в порядке вещей... и выходит, что так...

– Ну-ка, повернись боком.

Вася встал лицом к стене.

– Не, ну художники – те еще мастера. Вот я на твою рожу смотрю и не нахожу сходства никакого. – Взгляд Сережи блуждал от профиля брата к монитору, где была открыта страничка поисковика с многочисленными портретами поэта.

– Ты на свою рожу посмотри – может, найдешь...

Вася достал сигарету и подошел к открытой форточке.

– Ну, ты совсем охренел, что ли, – отмахиваясь от дыма, возмутился Сережа.

– Знаешь что?.. Да я возьму и кучу здесь навалю – и пусть кто-нибудь мне хоть что-то скажет. Я этого, конечно, не стану делать, но представь рожу этого Минина... Говномину ему... Ха-ха...

– Ты дебил, конечно.

– Я не дебил, дорогой брат, я гений во плоти, как и ты, – он выкинул сигарету в окно и сплюнул следом.

– Ты представь себе, один из нас через месяц будет стоять рядом с президентом. Сударь, нас ждет мир, – Вася вскочил на диван, павлином выгнул грудь, задрал голову, взъерошил кудри, декламировал:

«В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар как грозный часовой
Стоит – один во всей вселенной».

– Еще и клоун, – заключил Сережа.

– А может, почитаем твои занудные стишки? Где твой дневник? Я знаю, что ты его здесь прячешь!

Вася попытался вскрыть ящик письменного стола.

– Ты же понимаешь, что это должен быть ты? – перебил Сережа брата.

Он не ощущал в себе достаточной уверенности и не обладал обаянием Васи. Он был тихим, как подмосковные пруды. Его не манила слава. Василий бросил попытки найти дневник и сел рядом с братом.

– Если ты хочешь – я уступлю. Мне все равно. – Вася сел рядом с братом и пристально посмотрел из-под косматой челки.

Талантливый и открытый сердцем, Вася мог непринужденно отказываться от того, что ему шло в руки. Он был добр и независтлив от природы, и жизнь не заставила его усомниться в легкости бытия. Учеба давалась ему малыми усилиями, общение с людьми вызывало инте-

рес и не обременяло. Он привык к хорошим вещам, поэтому делился или расставался с ними в порыве и тут же обзаводился новыми благодаря матери, которая не отказывала.

– Нет уж, я не готов светить своими прыщами на всю страну, – пробубнил Сережа.

Они сидели рядом и улыбались.

– Ну хочешь, я буду модным блогером и не про пьянки и бритье мошонок стану рассказывать, а про то, что будет важным и полезным.

– Ага, и попутно рекламировать средства для укладки волос и против угрей.

– Да даже если так, хочешь, я буду котиков спасать.

– Ну прекрати издеваться... Ты, главное, с говноминами завязывай, это криповая шутка.

– Без сопливых разберусь.

Прежде чем огласить свое решение Минину, братья решили прогуляться и прокатиться на скейтах, а вечер обещали провести с мамой.

День выдался теплым и ветреным. Они мчались на досках по набережной парка центрального, пытаясь удрать от охраны. Одновременно с предназначением им открыли тайну их вечных теней – телохранителей. Вот и сейчас пара крепких угловатых мужчин ехала поодаль на арендованных туристических велосипедах по дорожкам размеченным.

– Мужики, вам еще бы ленточки на руль повязать, в корзинки фруктиков положить и за ручки взяться, будете идеальной парой! Не скрывайте своих чувств! В каждой истории должна быть пара геев – вы будете нашей!

Охрана пыхтела, потела, но приказа «не вмешиваться» не нарушала. Тем было острее, что один из охранников действительно имел слабость к представителям своего пола, но бережно хранил свой секрет.

Васе нравилась вседозволенность, и он не собирался останавливаться. Братья снимали по одному предмету защиты, которые их обязали надеть, и кидали в сопровождение – первыми полетели шлемы, за ними налокотники и далее по списку. Сережа смеялся в голос. Многие находчивые прохожие в этот день разжились дорогой экипировкой, а некоторые умудрились еще продать вторую вещь из пары тому, кто уже успел схватить первую.

Во время передышки они взяли по мороженому и устроились поближе к воде. Веяло прохладой от темной и беспокойной реки, растревоженной навигацией.

– Ты вспоминаешь об отце? – взгляд Василия проваливался в черноту вод.

– Иногда.

– Мы же не очень с ним ладили?

– Ну да.

– Но он бы мог подсказать что...

– В какой пропорции спирт с водой разбавлять?

– Да ну тебя... Я про всех этих мужиков, которые на похоронах были. Минин-то один из них.

– И?

– Как мне себя с ними вести?

– Да нормально себя веди, и все. Ты же не debil. Не бойся.

– Я не боюсь.

– Ну вот и не пыли. Мы с тобой как ожившие мамонты или динозавры. Это нас должны бояться.

– Пусть лучше уважают. Они меня создали, я такой, какой есть.

– Говорят, что уважение еще заслужить надо.

– Это старперы так говорят. Но отца точно уважали.

– Вот и держись достойно.

***

Василия готовили к мероприятию весь июль. Для начала он поступил в главный университет гуманитарный на факультет мировой политики в общем порядке, но под покровительством чиновничьего аппарата Минина. Внешним видом Александрова занялись стилисты и на основе всех возможных художественных свидетельств создали ему осовремененный вариант бакенбард и прически оригинала. Многих, кто готовил Александрова, одолевало смятение. Это был не трепет перед величием, а недоверие к фальши. Живая биологическая оболочка мальчика шла вразрез с масштабом общепринятого гения поэта.

Ночь перед мероприятием Василий провел в гостинице на территории центра инновационного, где великие умы страны необъятной корпели над своими разработками и перекладывали бумаги бюрократические и ценные. Там же ему провели очередной медосмотр. Обследование не выявило у Василия каких-либо аномалий, кроме небольшого расстройства сна, легко поправимого таблетками.

Выпивая снотворную пилюлю на ночь, он вспомнил свою одноклассницу Катерину, которая, после развода родителей, сидела на антидепрессантах с девятого класса. По выходным отец, работавший на стройке, давал ей порулить экскаватором для освобождения от стресса, и она крушила, что могла. И Вася предвкушал, что его игрушки будут куда крупнее обыкновенной строительной техники.

В день важности особой на территории центра инновационного, в здании величественном из стекла и бетона, Васю трясло мелкой дрожью. Утренняя трапеза была скромна, волосы уложены, сопровождающие помогли одеться и направили к конференц-залу. Предварительно перед выступлением предстояло познакомиться с создателями – спонсорами проекта, представителями свиты президентской и даже собственным биологическим праправнуком, прилетевшим по такому поводу с женой – троюродной кузиной – из страны заморской.

Василий вошел в просторную приемную, наполненную людьми, и проследовал к Минину, который стоял напротив и приглашал его жестом к себе. Торжеством сияла зала. В ушах молодецких гудело. Василий чувствовал, как десятки взглядов обратились к нему и жадно изучали мельчайшие детали его существа. Тогда и приветствовали его гости: волной поднялись аплодисменты среди собравшихся и разлились по всему залу. И Васе нравилось внимание, он чувствовал себя желанным и значимым и словно восходил на трон царский, будто свет высший благословил его, принял и возвысил. Он подошел к Льву Константиновичу, ответил на его рукопожатие, выдохнул и раскрылся в искренней юношеской улыбке после того, как Минин по-отцовски похлопал его по плечу. Через мгновение сквозь несмолкающие овации на всю приемную прозвучало объявление:

– Встречайте, Президент Государства нашего.

Не прекращая возбужденных от явления клона разговоров и шепота вожделения, публика роскошью своей обратилась в сторону дверей в противоположном конце зала в ожидании правителя.

***

Вася распластался на кровати и блуждал взглядом по побелке над головой. Взгляд его годами цеплялся за трещину в углу у плинтуса. Василий обычно изучал ее в редкие моменты бездействия и размышлений. Потолок безучастно отражал свет проезжающих мимо автомобилей, а для юноши мир за окном переменялся навсегда, и эта трещина на потолке напоминала Василию, что он по-прежнему находится в материнском доме. И радовало его, что это ненадолго – после совершеннолетия ему обещали предоставить квартиру просторную в личное пользование. Теперь он чувствовал себя «неприкасаемым», славой омытым, и длиться это должно было вечно, и он не хотел больше видеть эту трещину, это несовершенство на потолке и вспоминал крепкое рукопожатие президента.

За прошедший после мероприятия месяц у него появился новый знакомый – сын Минина. Он учился в том же университете гуманитарном, куда Василий поступил, только

на год старше, и обещал помочь юному однокашнику освоиться в учебе осенью. Звали его Петр. Он представлял из себя худосочную копию отца. И ростом был повыше. Минина-старшего бесспорно боялся и противился его деспотии, чем располагал Василия к себе. Но Вася ощущал навязчивое стремление Петра подружиться с ним.

Накануне «камингаута» Василию завели официальные страницы в соцсетях. Теперь на иконках смартфона сияли тысячи не просмотренных уведомлений. Вся страна великая, да что там страна, миллионы людей шара земного подписались на него за одну ночь после выхода новостей о конференции и продолжали подписываться сейчас. Его соцсети вели специально обученные люди, он иногда добавлял что-то от себя, но под надзором цензуры недремлющей. Самым популярным среди молодежи стал стиль юноши. Ему подражали до иступления все подростки. А потом уже затихшая мода на растительность на мужском лице «крутанула» новый виток, когда Васины бакенбарды отросли, приобрели благородную густоту и объем, и стали новым трендом. Став самым значимым инфюэнсером, в кулуарах светских приемов своих подписчиков он называл снисходительно «работягами», а в прямых эфирах – армией.

Василий был допущен к встрече с главой церкви, а перед этим запланировано принял православие. Реакция духовенства была ожидаемо благожелательной, но ходили слухи о смуте в отдельных храмах и монастырях, где посчитали клонирование дьявольским промыслом. Крещение Василия являлось делом государственной важности, и готовились к нему всем миром. Самые ревностные религиозные фанатики рисовали кресты на дверях подъезда семьи Александровых, чтобы нечисть не вышла в мир. Другие в народе причисляли Марию Петровну в ряд святых матерей, ей писали и звонили в надежде на то, что разговор этот поможет зачать отчаявшимся и потратившим целые состояния на искусственное оплодотворение. Биография Марии Петровны и интервью с ней обошли все бесплатные государственные газеты и телеканалы, остальные издания печатали сомнительные статьи про прошлое Васиного отца в Федеральной службе безопасности.

Все гадали, где же будет происходить историческое крещение. Разрослись сетью однодневные конторы, ставки принимающие. Главными кандидатами народного голосования были храм, где венчался Пушкин, и его главный конкурент – центральный Храм страны. Место держали в тайне до последнего дня, чтобы не вышло давки – вечной спутницы всех запланированных с участием Васи мероприятий.

Василий не задумывался никогда над вопросом, верит он в Бога или нет, да и в семье у них не было принято соблюдать обряды, держать посты и проводить ритуалы. Теперь он научился уверенно креститься, отдавать поклоны и посещал православные просветительские курсы в частном порядке для получения базовых духовных знаний. Ему были понятны и откликались в его душе многие догматы, чем он делился в соцсетях. Как следствие, после появления на шее Василия витого серебряного крестика количество принявших православие среди поклонников Александрова и количество подписчиков среди верующих граждан возросло в разы.

В родной школе Василия с нетерпением ждали в статусе почетного гостя на Первый звонок. Все учителя нервничали, в особенности преподавательница по литературе и русскому языку. Эта высоконравственная женщина, которая держала дома шумомер для борьбы с нерадивыми квартиросъемщиками в подъезде, ощущала свое превосходство над остальными педагогами и близость к чуду «Возрождения». Наравне с директором школы она ожидала особого отношения к своей персоне. Ведь благодаря ее стараниям Александров фактически сам узнал свои же произведения, и теперь простая столичная учительница могла погреться в лучах чужой славы.

«Помню, когда я познакомилась с Васечкой в пятом классе, мы сразу сблизились. Мое профессиональное чутье всегда подсказывало мне, что он особенный мальчик. Он писал глубокие сочинения, и ему легко давалось заучивать стихи», – это часть интервью, попавшего

в трансляцию центрального телеканала. В «параллельном мире» социальных сетей ходила полная версия ролика, в котором один из учеников возникал в кадре на фоне педагога, изображая интимное сближение с ней.

Вася включил «ютьюбчик», чтобы не думать, и в очередной раз наткнулся на этот глупый ролик. И он его порадовал, ведь не хотелось ему сейчас думать. Смотреть ему было проще.

А между тем, как он увидел в рекомендуемых ему видеозаписях, в стране страсти накалялись. Опальная оппозиция единственного антиправительственного активиста, его антикоррупционный комитет, как и все левое крыло, ринулась своими мятежными умами в ограниченные к доступу архивы документов по проекту «Возрождение». Рыли денно и нощно, но безрезультатно. Итоговая статья и отчет по расследованию констатировали глубину заговора на уровне правительства, теневого аппарата при непременном содействии инопланетян. Все, кроме последнего, было правдой, но грани разумного в информационных баталиях уже пару лет никто не соблюдал, поэтому для привлечения внимания любителей мистики и передач про экстрасенсов, коих было предостаточно, штабом активистов было решено приплести инопланетян.

Бодрое женское лицо блогерши с гипнотической убедительностью продолжало повествовать новости прошедшего дня: «Сегодня в первом чтении был принят закон „Об ограничении создания генетических копий граждан“. Данный закон разработан для разумного использования достижений генной инженерии. После рождения Василия Сергеевича Александра возник ряд организаций, призывающих граждан пикетировать правительство с призывом создания клонов Ленина и Сталина на смену существующим представителям власти. Подобный призыв – прямое нарушение уголовного кодекса статьи 212 главы 24 пункта первого, в котором к преступлению относят подготовку лица для организации массовых беспорядков или участия в них».

– Давайте клонировать президента. Еще лет сто, – буркнул Вася. Не досматривая ролик, перешел на игровые стримы. Василий утомился. Все новости были очень токсичными.

Он давно не видел брата, и ему не с кем было поделиться. Вася приезжал к Сереже на море, где тот проводил лето, дабы не попадаться на глаза журналистам после выхода Васи в свет. Там братья провели вместе веселую и беспечную неделю. Потом Сережа отчего-то захандрил, а вскоре и вовсе взял и попросился в армию, несмотря на то, что ему было семнадцать лет. Минин-старший обрадовался этому стремлению и разрешил, за что Мария Петровна и Вася еще больше невзлюбили чиновника. А Минин на год мог забыть о существовании второго клона и не переживать, что его где-то узнают, ведь солдаты были все на одно лицо.

И теперь Васе приходилось довольствоваться обществом одного Минина-младшего. Тот неловко скрашивал Васино одиночество, не вызывал ни доверия, ни желания затеять совместно какое-либо бессмысленное, но насыщенное событиями действо.

На кухне звенели друг о друга блюда и кружки. Шум сменился мягкими шагами по коридору. Мама тихонько приоткрыла дверь в комнату:

– Ужинать пойдешь?

Вася закрыл глаза, притворившись спящим. Женщина тихо прошла к экрану, выключила его и вернулась на кухню пить вечерний чай в одиночестве. После отъезда Сережи Мария Петровна обрушила всю свою любовь на оставшегося из двоих сыновей, что утомляло Васю. И он стал избегать ее. Где-то совсем глубоко в душе, прикрывшись раздражением, затаился стыд за собственное малодушие. Но все равно он лучше будет лежать в тишине, чем пойдет сейчас на кухню заполнять распирающую стены пустоту.

***

– Мам... я ушла, – хлопнула входная дверь. Девушка Кристина в ожидании лифта посмотрела свеженькое в сети мировой и приготовилась сделать селфи.

– Свет, смартфон мой, расскажи, инста-правду покажи, кто в подписках всех успешней и умнее, и прилежней?

Лифтолук не всегда попадал на ее страничку в инстаграм, но был обязательной частью оценки выбранного на день образа. Честолюбие девушки проявлялось во всем ее существо. Сегодняшний снимок был хорош, но не дотягивал до предыдущих – лучше не публиковать ничего, чем что-то не лучшее.

Кристина поступила в главный Гуманитарный университет страны сама, остальное же ей было дано состоятельным отцом. Она была из тех счастливых людей, кто не сомневается в своих решениях и следует им. Для нее четко поставленные цели становились лишь небольшим шагом в общем течении жизни, а не размытыми обещаниями про «завтра».

– Так, Минин, ты мне обещал встречу с ним, забыл, что ли? Покрестили уже, вся страна видела и рыдала. Фото с Патриархом выложил: и к руке приложился, и благословлен. Все мемы на эту тему уже даже прошли! А у меня еще не было разговора! Ты меня просил не писать гадости, но сам же напрашиваешься! Как тебе заголовок: «Золотой Пушкин, ой, Александров, который за месяц появился в институте три раза!!!». Если мы не учимся вместе, это не значит, что я не знаю о его посещаемости. Я журналистка, Минин, мне выпускаться через год. Это великолепный материал, и я с тебя не слезу! Петюня, встречу организуй, личную, в течение недели. Мне нужен красный диплом.

Кристина повесила трубку. Разговор был окончен за рулем на полпути к университету. Осень стояла на удивление теплая и позволяла кататься с открытым люком по разряженной к очередному празднику столице.

Василий находился под Кристиным наблюдением уже давно – ее билет в большую журналистику в непосредственной близости к власти. Перспективы, перспективы, перспективы... На секунду они промелькнули перед глазами юной карьеристки. Увлеченная этими мыслями, она захотела въехать в свое светлое будущее прямо сейчас и непроизвольно поддала на газ, мягко подперев впереди стоящую машину – внушительных размеров кроссовер. Мечты разбежались, сознание вернулось, а самоуверенная особа вжалась в руль с мыслью: «Может быть, не заметил?!» Дверь со стороны водителя пострадавшей стороны открылась и развеяла все надежды. Она вдохнула и с достоинством королевы вышла из машины на своих высоких, но очень устойчивых каблуках.

– День добрый!

– Да уж, да уж, – ответил мужчина с налитыми яблочками на щеках.

– Вызываем или сами оформимся? – спросила Кристина.

Пострадавший многозначительно молчал и, деловито осматривая едва заметную царапину, думал: «Устроить показательную порку малолетке, собрать пробку в центре, подпортить день еще паре сотен человек или отпустить?» Она никоим образом не хамила, вела себя сдержанно, но и не страшилась его очевидной власти над ней – сегодня как минимум. Он был сыт, обласкан любовницей поутру и не нашел в своем довольном коренастом и пузатеньком теле импульса, чтобы злиться. Он постоял еще с полминуты. Даже не посмотрев на Кристину, махнул рукой и уехал. Удовлетворенная скорым разрешением ситуации вернулась за руль, выдохнула, улыбнулась, включила музыку и покатила дальше по своим делам.

Петюня Минин был беззаветно влюблен в Кристину. Она это чувствовала и пользовалась вполне откровенно, не подавая ему надежды на взаимность, держала на коротком поводке как человека полезного. Они познакомились, когда Кристина писала статью, сравнивающую жизнь студентов разных факультетов. Студент факультета международной политики, отличная успеваемость, отец – высокопоставленный чиновник, а теперь приближенный к самому известному человеку всей страны и мира Василию Александрову. Подобный набор характеристик не оставлял Пете шансов не быть схваченным Кристиной. Но исключительно для деловых целей. А он надеялся на возможные привилегии в будущем и помогал ей всегда.

Вечером того же дня Петя встречался с отцом за ужином.

– Помнишь, я рассказывал тебе про девушку с журфака?

– Та рыженькая?

– Она рыженькая?

– Ну, мне кажется, да.

– Ну, рыженькая так рыженькая. Которая с огромными глазами.

– Так что там за дело, про какие бы ты глаза ни говорил, – хмыкнул Минин-старший. Петя, казалось, не заметил шуточки над его зазнобой. Официантка подала сочные упругие стейки.

– Как ты смотришь на то, чтобы о Васе рассказали из среды студентов? Аудитория большая, активно на него реагирующая. А он в институте же практически не появляется. А так напишут красивую историю.

– Ну, если красивую, с нашей цензурой однозначно – да. Ну, и после личной встречи автора с нашими специалистами для проверки надежности.

– Так, и какие теперь действия?

– Теперь жуй свой стейк. Потом запиши у Ирины ее ко мне на встречу. Если одобрю, будешь вести эту статью.

– Спасибо.

– Ну, и ты с этой своей рыжей поостроже. Не обнадеживай.

– Да понял я, понял.

– И вообще концентрируйся на учебе, а не на девках.

– Началось...

– И не хами, Петр. Э... девушка, чай нам с чабрецом, – обратился он к официантке.

После беседы со службой безопасности и перед долгожданным интервью Кристине предстояла встреча с Мининим-старшим. У девушки был заготовлен список вопросов и тем для обсуждения с Александровым. Она надела свой лучший выходной костюм, сделала легкий мейк и даже не стала завтракать от волнения – обошлась крепким сладким черным чаем.

Встреча состоялась на улице центральной в здании, ставшем объектом культурного наследия из-за содержания в его стенах в заключении выдающихся деятелей науки и культуры в веке прошедшем. Она прикоснулась к дверям резным с трепетом и волнением от встречи предстоящей. Девушка вошла внутрь, и повели ее коридоры с кабинетами бесчисленными к Минину на прием.

– Проходите! – призвал бархатистый голос секретарши. Она была из дев редких кровей, что достигают определенной зрелости и застывают в своей внешности, потому никакой возможности определить, двадцать ей лет, тридцать или сорок, не представлялось.

– Здравствуйте, я Кристи...

– Здравствуйте, Кристина Евгеньевна. Ожидайте здесь. Вас скоро примут.

Крутились стаей вороной в ее голове заготовленные фразы и вступительные слова. Прошло более получаса. Сорок минут. Ей не предлагали ни чая, ни кофе, и настрой ее начинал сбиваться. В животе урчало.

Дверь распахнулась. Вошел Минин и, не глядя по сторонам, направился прямо в свой кабинет, разговаривая по телефону. Кристина встала.

– И проконтролируйте сборища стихийные у аэропорта. Мы одним днем летим. Пожмет руку королеве, попьют чайку и обратно. Никаких вечеринок с конопатыми принцами. Только по делу.

– Рано, – осадила Кристину секретарша.

Прошло еще пятнадцать минут. Чиновник вышел из кабинета.

– Ирина, я уехал, вернусь завтра. А это кто?

– К вам записана, от Петра.

– А... эта...

– Кристина Орлова, – как можно увереннее выдавила из себя девушка и шагнула навстречу.

– Орлова... – Минин на секунду задумался. – Ну как, полет нормальный?

– Да, потихоньку, – смутилась девушка. Я приготовила вопросы, – полезла она в сумочку.

– Рыжая все-таки, – продолжал разглядывать протеже сына Лев Константинович. – Ты, девочка, страну свою любишь?

– Я журналист.

– Это хорошо. Вот и спрашиваю, страну любишь?

Кристина понимала, что разговоры разговаривать времени нет.

– Да.

– Так вот, поскольку мы вроде как люди не совсем чужие, говорю тебе напрямую, статью пиши. Если наше с тобой понимание образа Александра не совпадет, наши специалисты тебе помогут оформить все в нужном виде. Все вопросы к Ирине. Она тебе назначит встречу еще одну. Полиграф там и еще по мелочи... – Поняла?

– Да.

– Вот и славно. Петр тебе поможет. Обращайся к нему с любым вопросом в любой момент. Я ему передам.

– Спасибо.

Минин вышел из кабинета.

– Вы присаживайтесь, Кристина Евгеньевна, – пригласила Ирина, – сегодня все доделаем с вами.

В этот момент Кристина еще не поняла, что успешно прошла двойное собеседование как журналист и как пассия сына. А Минин позвонил Петру, сказал, что птицу его видел, взлет разрешает, но советует быть осторожным.

По возвращении домой родители Кристины заметили, что дочь их была задумчива и слушала Гайдна, как бывало в минуты серьезных сомнений.

Не по нраву ей были беседы в службе безопасности. Журналист внутри нее бунтовал, а карьеристка призывала к терпимости: материал диковинный и не доставался даже именитым интервьюерам, а посему она уговаривала себя не горячиться. Многие вопросы из ее списка удалили, часть переформулировали. И, как следствие, на встрече с Василием она была агрессивна. В те дни она могла рассказать что угодно на своем интернет-канале и стать звездой, но близость к власти меняла угол обзора ситуации и ее участников.

Если Кристина знала об объекте своего изучения многое, то сама она стала для Василия неожиданностью. Мастерница подачи себя, в наряде прекрасном, с улыбкой, белизной зубов цвета первого снега, но словно с топором в руках, и била им наотмашь при каждом вопросе.

– Ну что, золотой мальчик, расскажешь мне правду? – выдала Кристина без приветствия, едва он присел в кресло в ресторане, где было решено провести интервью.

– А я всегда говорю правду, – не растерялся Василий.

– Не сложно отвечать правду на вопросы, которые готовят под ответы. Сделай нам пару кадров и можешь идти, – обратилась она к фотографу.

Больше всего злоба брала Кристину за то, что этот искусственный человек вызывал симпатию. Непроизвольно. Своей улыбкой открытой, движениями уверенными, голосом спокойным, даже попыткой привстать и поздороваться при встрече. Троица собравшихся были молоды, как свежие легкие сливки. Потом жизнь их крепко взобьет в масло, плотное и желтое, застывшее. Но сейчас они были сливки, живые и свежие, высший сорт.

Петя не мог налюбоваться на Кристину, он сидел на встрече, потягивал свой черный кофе без сахара и потирал подбородок. Он не слышал, что она уже давно не следовала оговоренному плану, и не замечал за ее нападками настоящего интереса к Васе. Он старался не смотреть

на ее губы и на изгиб, плавно ускользающий от поясницы к спинке кресла. Силы его полностью уходили на сдерживание себя от того, о чем ему думать и чего ему делать не следовало.

А оппоненты не могли остановиться. Вася лихо отражал Кристинины колкости, чем только раззадоривал ее на еще более активную позицию в разговоре. Она заказала себе апельсиновый фреш и не притронулась к нему ни разу.

– Резюмируя, могу сказать, что ты просто наслаждаешься жизнью, готовишь себя к общественной деятельности и, быть может, даже литературной карьере.

– Да.

– А кишка-то не тонка? Тягаться с самим собой?

– Во-первых, я не боюсь, когда мне бросают вызов, – сказал он, пристально глядя ей в глаза. Во-вторых, я не претендую на лавры и статус короля. Времена другие, форматы тоже. Я уже сейчас популярнее просто потому, что есть интернет и население планеты возросло.

– Самоуверенность – это гены. Тогда вопрос про наследственность. Александр Сергеевич всегда был под строгим надзором и цензурой, но его своевольные идеи все равно находили выход. Как ты думаешь, твои создатели не просчитались с объектом клонирования? Почему не идеальный патриот Гагарин? Ну или герои Великой Отечественной войны?

– Это весь вопрос?

– Это я пытаюсь выяснить, есть ли вероятность того, что ты можешь сформировать свое мнение? Или ты обложился пряниками и до конца жизни будешь отвечать по бумажке?

– А ты готова услышать ответ, который для меня не был подготовлен? Услышать и опубликовать? Еще даже не получив диплом в государственном вузе?

– Успех и учеба в наши дни не зависят друг от друга. Мне нужна правда.

– Мотыльки тоже не думают, что добились желаемого, сгорая у лампы. Для первого интервью достаточно. Ты и так уже знаменита. И не забудь сделать селфи со мной, это полезно для рейтингов, а я сегодня щедр.

Вася, завершая разговор, приосанился для снимка. И достала девица свой смартфон сделать кадр, и старалась не дышать, чтоб дурман его парфюма не вскружил ей голову вконец.

– Ну вот ты и молодец. Свидимся еще как-нибудь, – он подмигнул и пошел к выходу.

Охрана покидала ресторан вслед за своим объектом.

Петя не хотел с Кристиной расставаться, потому застыл не шевелясь и аккуратно спросил.

– Когда планируешь выпустить статью?

Он был настолько безразличен ей, что даже раздражение на этот ненужный заполняющий пустоту вопрос не могло вылиться хоть в какую-то ответную фразу. Она взяла сумочку, намереваясь покинуть ресторан.

– Ты за это заплатишь или мне за себя?

На столе оставались нетронутый апельсиновый сок, пустая Васина чашка и Петин недопитый кофе. Официант поднес десерт, который Петя заказал, ожидая продолжения разговора.

– Да, заплачу, – Петя ударился коленями о стол и приподнял его, запутался в скатерти и так и не смог встать в полный рост и попрощаться, когда Кристина приготовилась уходить, – ты все?

– Да, спасибо! Я тебя наберу.

Она поняла, что Петю заслуживает поощрения, тем более что в дурмане «александровского» присутствия в ней зашевелилось желание, и она в благодарность за помощь в организации интервью и в качестве задела на будущее чмокнула юного дыхателя в щеку. Прицельный выстрел – и ее прикосновение окончательно вывело худощавого и высокого Минина-младшего из равновесия. Он проглотил десерт за два укуса, допил сок, расплатился и отправился бродить по городу, выхаживая свое непомерное счастье и адреналин, и прочие чувства, и гормоны. Звонок смартфона вернул мечтателя на землю.

– И почему от тебя тишина? Прошел уже час! Что за балаган ты допустил там? Что она себе позволяет, все вопросы были же утверждены?!

Мобильный телефон нагревался и жег ухо виной перед отцом. И тут из Пети вырвалась самая неожиданная фраза:

– Папа, я на ней женюсь!

– Да ты совсем, что ли?..

Минин-старший уже не говорил с сыном, он вешал трубку, а Петя расслышал лишь отборную ругань в свою сторону.

Петя решительно утвердился в мысли завоевать эту девушку, не имея никакого представления, как именно.

***

Младший Александров обгорел. Сильно. И его охранник тоже. Сережа затем и ходил накануне целый день под солнцем, чтобы извести свое сопровождение. Сам он предварительно намазался защитным кремом, но превентивные меры эти результата не дали. Он страдал от болей, но безразлично относился к тому, как себя чувствовал охранник. Потому что через несколько дней к нему должна приехать Леночка. И Сережа не хотел, чтобы им мешали. Сегодня минус один охранник, а завтра он планировал спалить и второго. Расчет был на то, что даже если один из них выйдет на службу к приезду подруги, ему будет не до наблюдения.

Лена позвонила Сереже сама, как только со всей страной узнала о существовании Васи. Она сразу все поняла. Сереже строчили письма одноклассники и говорили, мол, что похож ты сильно. Сережа отшучивался: просто однофамилец, знать его не знает, да и рожей парень с экрана был посимпатичней. Но Леночкино сердце провести не удалось. Она наконец смогла объяснить противоречивость поведения своего друга: возможно, братья менялись местами, возможно, привлекал ее всегда Вася?.. Подозрения могла рассеять только встреча. Сережа сначала не ответил на ее сообщения и звонок. Воспоминание о поцелуе и стыдливом уходе от разговора, а хуже того – пустое обещание позвонить, – смазывали в Сереже желание ответить Леночке. Но за несколько дней до отправления в Крым он все-таки решился позвонить, чтобы не оставить шанса получить отказ от Лены в сообщениях:

– Пойдем прогуляемся?.. М-м... Занята... Ну ладно... Жаль... Сегодня после девяти освободишься? Отлично. В парке? Договорились! До встречи.

Брата он видел редко и откровенно скучал без него, игры не увлекали, охрана раздражала. А Леночка положительно интересовала, и эта встреча была глотком свежего воздуха. Беседа набирала свой темп между неловкостями, приветствиями и вступительными вопросами и вечерними переливами птичьих песен в парке.

– Я вот поступаю в универ... Ты в какой идешь?

– Пока не решили.

– В смысле не решили?

– Ну не решили, – пробубнил Сережа уклончиво.

– Не ты решаешь.

– Ну типа того...

– Он же не просто твой однофамилец? Тот клон?..

– И ты туда же...

– Ну, если ты не хочешь или тебе нельзя говорить, не говори. Но мне даже кажется, что с ним я тоже знакома. Да и одноклассники наши.

Сережа молчал.

– Или... давай условно назовем его... Братом твоим.

Сережа одобрительно закивал своей шевелюрой и заулыбался.

– Ленка, а ты умная... и классная, знаешь?

– Я – классная? – она посмотрела на него в упор. – Раз я такая классная, почему ты мне так и не перезвонил после выпускного?

– Ты гуляешь с предположительно клоном Пушкина, и ты спрашиваешь, почему я тебе не перезвонил?!

– Ну, надо понять, от Пушкина тебя клонировали или от козла.

Сереза рассмеялся. Леночка улыбнулась.

– Ну, я же позвонил сейчас.

– И я рада, что ты позвонил.

– Я тоже рад.

Их беседу остановило и обласкало молчание, теплое и немного застенчивое. Они спокойно прогуливались по аллее парка. Тени соскальзывали с Леночкиного лица на плечи и падали на асфальт. Песнь птиц стихала. Сереза вспомнил о поцелуе на выпускном.

– А поехали со мной на море?

Леночка хмыкнула.

– А кто за меня экзамены будет сдавать?

– Ну как сдашь – приезжай. Я до конца лета там. Будет здорово.

– Я подумаю. Спасибо.

– Билеты я попрошу тебе заказать.

– Говорю же, подумаю.

– Ок-ок.

Они прошли еще несколько шагов. Сереза вскочил на бордюр и засеменял по нему...

– А когда ты уезжаешь?

– Послезавтра.

– Так скоро...

– Ну мне сейчас лучше быть подальше от столицы.

– Я постараюсь приехать, правда, – обернулась девушка.

– Ловлю тебя на слове. А то смотри, буду тебе названивать бесконечно.

Теплые вечера и ранние рассветы июльские наполнились продолжительными телефонными разговорами. Леночка поступила в институт, после чего ей заказали билеты на море, и родители спокойно отпустили ее на каникулы в «дом отдыха».

Жил Сереза по-королевски в особняке, скрытом в сосновом лесу. Охранники, вопреки всему оставшись в живых после попыток ультрафиолетом, предлагали встретить Леночку самостоятельно, без Серезы, но он настоял на том, чтобы ехать вместе.

Сине-голубые панели, обрамляющие крышу аэропорта города С., сливались с лазурью неба, дыхание обжигал горячий воздух с горьким ароматом битума. Невдалеке гремели своими усами троллейбусы, расплзавшиеся от аэропорта вдоль побережья. Из дверей высыпали прибывшие жители столицы, бледные и синеватые, как свежеразмороженные куриные грудки.

Сереза волновался, подергивал разбитой на лонгборде коленкой. Наконец вышла она.

Леночка не отличалась от остальных оттенком кожи, но была в глазах поклонника необычайно мила. Невысокая и складная, в ярком оранжевом размашистом платье, она уверенно шла навстречу Серезе, уловив его взгляд.

Поцелуй в щеку как приветствие взбудоражил в обоих предвкушение чудесного отдыха. Они наконец стали друг для друга реальностью, а не голосом, пролетающим тысячи километров по сотовой сети. Он был теплый, обласканный солнцем, подточенный морем. Она же напоминала панна-котту, сладкую, упругую и прохладную. Сереза непроизвольно вспомнил вкус десерта, ласкающего сливочной нежностью в летний зной...

– Ты парней не смущайся, – объяснял по пути Сереза. – Они с нами живут, но не мешают. Это – Валера, – Сереза обходительно забрал у нее небольшой чемоданчик и представил охраннику, водителю по совместительству. – А еще есть Олег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.